

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1975

Г. Ф. БЛАГОВА

СМЕНА ДИАЛЕКТНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СРЕДНЕАЗИАТСКО-ТЮРКСКОГО ЛИТЕРАТУРНО-ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА XV — НАЧАЛА XVI В.

I. О существовании поэтической и прозаической разновидностей среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV—начала XVI в. в тюркологии известно уже давно. «Специально стихотворный чагатайский язык в отличие от прозаического» вполне четко выделил в 1927 г. А. Н. Самойлович, причем, подчеркивал он, этому «специально стихотворному... языку» свойственны «незначительные архаизмы уйгурского характера и ...более значительные элементы „огузско-туркменские”»¹. Иными словами, ученый указывал на наличие инородных, гетерогенных форм в стихотворном языке².

Несмотря на эти ясные указания, вопрос о соотношении стихотворного и прозаического вариантов литературно-письменного языка XV—начала XVI в. не стал предметом специального исследования. Специалисты в области истории тюркских языков отдавали предпочтение структурно-генетическому, а не функциональному подходу к историко-лингвистическим явлениям.

Между тем вопрос об отношении различных видов и форм языковой дифференциации друг к другу принципиально важен как в собственно лингвистическом, так и в экстралингвистическом плане. Прежде всего само по себе наличие в XV—начале XVI в. двух разновидностей языка, различавшихся по инвентарю строевых элементов, с одной стороны, смыкается с проблемой двух диалектных ориентаций (сосуществования двух «языковых типов») в этот период развития литературно-письменного языка; с другой стороны, нельзя не заметить, что четкая собственно лин-

В основу статьи положен доклад автора на VII Тюркологической конференции в Ленинграде (июнь 1975 г.).

¹ А. Н. Самойлович. Материалы по среднеазиатско-турской литературе. IV. Чагатайский поэтический язык XV в. Атай. — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. II, вып. 2. Л., 1927, стр. 262. Об уйгурской письменной традиции, а также об «огузо-туркменской литературной традиции, которая... достигла значительного развития в XII в. в низовьях Сыр-Дарьи, перекинувшись в дальнейшем на Северный Хорезм и на Нижнее Поволжье», см.: Э. Н. Наджип. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 88 и сл. Ср.: А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского турского XII—XIII вв. М., 1963, стр. 10.

² Типологически сходное явление, а именно зависимость реального состава сплава гетерогенных языковых элементов от жанра письменности и литературы, отмечалось для раннего периода истории русского литературного языка (см.: В. В. Виноградов. О новых исследованиях по истории русского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1969, № 2, стр. 10). А. Мейе, говоря о литературном латинском языке, прямо указывал: «Язык эллинизированной поэзии не похож на язык прозы» (А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, стр. 16).

гвистическая дифференциация прозаического и поэтического вариантов этого языка в необыкновенно короткий исторический срок фактически реализовалась в творчестве двух больших мастеров слова — Алишера Навои и Захир-эд-Дина Мухаммеда Бабура. В соответствии с этим настоящая статья ставит две задачи:

1) проследить соотношение обоих языковых типов в литературно-письменном языке изучаемого периода; 2) охарактеризовать новаторскую литературно-лингвистическую деятельность Навои и Бабура в изучаемом плане.

Учитывая, что признаки устных диалектально окрашенных форм языка исходных областей их распространения отражаются в средневековых литературно-письменных языках, как правило, весьма опосредствованно и избирательно³, предметом своего исследования мы сделали падежное склонение в языке поэтических и прозаических произведений Навои и Бабура, а отчасти и в поэтическом наследии старших современников Навои — Атаи и Лютфи. Ибо именно в этом фрагменте морфологической системы фронтальное вытеснение одного языкового типа другим происходило наиболее наглядно. Не случайно А. К. Боровков отводил типу склонения очень важную, классификационную роль: он выделял группы письменных памятников по наличию — отсутствию интерфикса *-n-* в формах локативных падежей при аффиксе принадлежности 3-го лица и связывал наличие или отсутствие *-n-* с «двумя диалектальными источниками, имеющими глубокую историческую перспективу»⁴. В процессе исследования нами привлекались также некоторые формы глагольного словоизменения, служебные глаголы, послелого и служебные имена⁵.

II. Прежде всего попытаемся рассмотреть, как оба языковых типа — назовем их огузско-туркменским и собственно чагатайским — соотносились друг с другом в поэтическом варианте литературно-письменного языка XV—начала XVI в.

Как известно, сплав гетерогенных, разнородных форм в изучаемый период особенно заметен именно в языке поэзии. Здесь действительно столкнулись два языковых типа. Один из них, освященный трехвековой литературной традицией, обнаруживает склонение на огузско-туркменский манер⁶. Это прежде всего выделение посессивно-именной парадигмы в особую, во-первых, посредством интерфикса *-n-* в локативных падежах при именах с аффиксом принадлежности 3-го лица; во-вторых, это наличие особых, вокалических показателей дательно-направительного падежа (*-a*) после аффиксов принадлежности 1-го (реже — 2-го) лица единственного числа и 3-го лица единственного и множественного числа.

Однако эта традиция подвергается сильному воздействию живого языка, относящегося к принципиально иному типу с другим типом скло-

³ См.: Н. Н. Семенов. Формирование норм немецкого литературного языка первой половины XVIII столетия. Автореф. докт. дисс. М., 1973, стр. 33.

⁴ А. К. Боровков. Очерки по истории узбекского языка, I. Определение языка хикматов Ахмада Ясеви. — «Советское востоковедение», т. V. М.—Л., 1948, стр. 247.

⁵ См.: Г. Ф. Благова. О характере так называемого «чагатайского» языка конца XV в. — В сб.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960.

⁶ С. Е. Малов, по-видимому, имея в виду, помимо фонетических признаков «й»-языка, еще и совокупность подобных огузско-туркменских, то есть западных, черт, говорил «о движении языка в средние века с запада на восток». «Если раньше, в древнее время, среди тюрков литературные течения, лексика и вообще влияние языка тюрков направлялось с востока на запад, то позднее, в средние века, по части тюркского языка движение пошло уже с запада на восток» (С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1947, вып. 6, стр. 479).

нения, — собственно чагатайского (применительно к современным языкам он именуется нами «уйгурско-узбекским»). Для этого типа склонения характерно: неразличение именной и посессивно-именной парадигм склонения — в том и другом случае употребляются падежные показатели только с консонантным началом: *-niŋ*, *-ni*, *-ŋa*; при склонении имен с аффиксом принадлежности 3-го лица в локативных падежах интерфикс *-n-* отсутствует⁷. Принадлежность этого типа склонения (как и других согласуемых с ним признаков собственно чагатайского языкового типа) к народному языку косвенно может быть подтверждена возрастом его роли в литературно-письменном языке XV в. (об этом см. ниже). Подтверждается это и языковым анализом документа уйгурского письма султана Омар-Шейха: уже П. М. Мелиоранский, издавший этот документ, датированный им 1469 годом, отметил близость его языка к языку «Бабур-наме»⁸. Во всяком случае, все формы посессивно-именной парадигмы склонения в документе — собственно чагатайские, ни в одной из форм локативных падежей после аффиксов принадлежности 3-го лица не представлен интерфикс *-n-* (*джамлар-ы-ба* 'всем им', *мрабынан бўзрў-г-лār-i-din* 'из маргеланских вельмож', *уи жыл-ы-да* 'в год быка', *шаввал ајының јігірми јіті-сі-дин башлап* 'начиная с 27-го числа месяца Шаввала'). Между тем прозаический язык делопроизводства тимуридских канцелярий, обращенный ко всем слоям населения страны, по своей макроструктуре, надо думать, был ближе к обобщенным типам народной устной речи, чем язык поэзии, хотя П. М. Мелиоранский усматривал «некоторую искусственную арханность языка канцелярий Омар-Шейха»⁹.

Были ли одинаковыми по своему составу и пропорциям слогов гетерогенных падежных форм, или, согласно терминологии Н. Н. Семенюк, диапазон и глубина варьирования¹⁰ названных форм; была ли одинаковой частотность любой из них в поэзии, скажем, Атаи и Лютфи, Навои и Бабура? Даже предварительные наблюдения позволяют ответить на этот вопрос отрицательно.

II. 1. Рассмотрим данный вопрос на примере газелей современника Навои — Атаи, опубликованных А. Н. Самойловичем¹¹. Язык этого поэта, как и его современников Лютфи и Саккаки, по мнению В. Д. Артамошиной, «отражал типичные черты литературного тюркского языка первой половины XV в., и в то же время в нем ощущаются следы диалектов различных народностей и племен, населявших Междуречье и Хорасан»¹². Целый ряд газелей Атаи последовательно характеризуется падежными формами именно огузской посессивно-именной парадигмы (газели №№ 19, 64, 78, 109): в них после аффикса принадлежности 3-го лица показатели всех локативных падежей присоединяются только через посредство интерфикса *-n-*, а аффикс дательно-направительного падежа в этих же условиях

⁷ О принципах выделения типов склонения см.: Г. Ф. Благова. О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1.

⁸ П. М. Мелиоранский. Документ уйгурского письма Султана Омар-Шейха. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XVI, вып. I. СПб., 1905, стр. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ Н. Н. Семенюк. Указ. раб., стр. 8.

¹¹ А. Н. Самойлович. Указ. раб. Примеры из газелей Атаи, обозначенных цифрами, приводятся по этой работе; примеры из нумерованных туюгов Лютфи и Эмири заимствованы из соответствующих публикаций А. Н. Самойловича (см. ниже).

¹² В. Д. Артамошина. Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов — предшественников А. Навои. — В сб.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 7.

имеет огузский, вокалический облик. Укажем примеры форм огузско-туркменской посессивно-именной парадигмы при отсутствии соответствующих форм без интерфикса *-n-*: в № 19 — дважды словоформа местного падежа *ič-i-n-da* 'внутри него' и исходн. падеж. *nawklar-i-n-din* 'от их острых концов'; в № 78 наоборот — две словоформы исходного падежа *nazüklük-i-n-din* 'от ее изящества', *gäwzä-si-n-din* 'из его цветника' и одна словоформа местного падежа *jaqa-si-n-da* 'на ее берегу'; в № 64 — две словоформы исходного падежа *sär čäšmä-si-n-din* 'от его истоков' и *išq häp-i-n-din* 'от воспевającego любовь'; в № 109 — две словоформы местного падежа *baŭ-i-n-da* 'в ее саду', *mişg malik-i-n-da* 'у государя Египта' и одна дательно-направительного падежа *qamatiŋ bala-si-n-a* 'твоему стройному (буквально: высокому) стану'. В ряде других газелей Атаи формы огузско-туркменской посессивно-именной парадигмы склонения перемежаются с соответствующими собственно чагатайскими формами, количественно доминируя над ними, например: в № 46 — словоформы местного и дательно-направительного падежей (последний с вокалическим показателем), имеющие интерфикс *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица, *qaš-i-n-da* 'перед ней' и *aŭz-i-n-a* 'ее рту', но местный падеж без интерфикса *-n-* в тех же условиях *elik-i-dä* 'в ее руке'; в № 251 — *baš-i-n-da* 'в его голове' и *bek-i-n-din* 'от его князя', но *dard-i-ŷa* 'его печали'; в № 1 — три словоформы местного падежа с интерфиксом *-n-*: *közgü-si-n-dä* 'в ее зеркале', *baŭ-i-n-da* 'в ее саду', *qaš-i-n-da* 'перед ним', но по одной форме исходного падежа без интерфикса *ittihad-i-din* 'от его согласия' и дательно-направительного падежа на *-ŷa* после аффикса принадлежности 1-го лица *bel-im-ŷa* 'моей поясице'. В газелях Атаи представлены и иные пропорции смещения названных гетерогенных падежных форм. Например, эти формы могут быть представлены количественно почти одинаковым образом: в № 132 — две словоформы с интерфиксом *-n-* (*qullar san-i-n-da* 'наподобие рабов', *itlagiŋ häjl-i-n-da* 'в стае твоих псов') и две без него (*etag-i-ga* 'к ее подолу', *elik-i-da* 'в ее руке'); в № 217 — по одной форме с интерфиксом *-n-* (*bar-i-si-n-din* 'из всех них') и без него (*fäläk-i-gä* 'его судьбе'). В газелях №№ 22 и 97 преобладают формы без интерфикса *-n-*, хотя имеются и с интерфиксом; в трех газелях — №№ 10, 181, 212 — отмечено всего по одной словоформе локативных падежей с аффиксом принадлежности 3-го лица, и каждая из них — без интерфикса *-n-*; в № 59 имеются три подобные словоформы тоже без интерфикса.

В целом же надо сказать, что в поэзии Атаи все формы локативных падежей огузско-туркменской посессивно-именной парадигмы, в том числе и исходного падежа, употребляются почти с одинаково высокой частотностью. Таким образом, ни парадигматические, ни лексические ограничения для этих форм здесь не наблюдаются; в этом плане исключение представляет, по-видимому, только дательно-направительный падеж с вокалическим показателем *-a* после аффикса принадлежности 1-го лица единственного числа, встречающийся реже других огузско-туркменских падежных форм.

Восемь туюгов Лютфи, опубликованных А. Н. Самойловичем¹³, дают яркую картину преобладания форм посессивно-именного склонения огузско-туркменского типа над соответствующими собственно чагатай-

¹³ А. Н. Самойлович. Чагатайские туюги Лютфи. — «Доклады Академии наук СССР». [Серия] В, 1926, май—июнь, стр. 78—79 (нумерация туюгов принадлежит А. Н. Самойловичу).

скими¹⁴: две словоформы местного падежа с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица (*yaŋ mihijt-i-n-da* в № 3 'в океане печали', *tekg-a-si-n-da* в № 5 'вокруг него'; соответствующие словоформы без интерфикса *-n-* отсутствуют), две словоформы исходного падежа с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица (*el-i-n-din* 'от его руки' и *hižgaŋ qiš-i-n-din* 'от зимы разлуки' в № 7) на фоне двух же соответствующих словоформ без интерфикса *-n-* (*yaŋ taš-i-din* 'от камня печали' и *taš-i-din* 'снаружи него' в № 2)¹⁵; вокалический показатель дательного-направительного падежа после аффикса принадлежности 1-го лица единств. числа (*köŋl-iŋm-ä* в № 6 'моему сердцу', но ср. консонантный показатель после аффикса принадлежности 2-го лица: *عشقبنك عمه* в № 3 'твоей любви') и после «чистой» основы, не осложненной посессивными показателями, но оканчивающейся на согласный (*el-e* в № 8 'руке'). В этих же туюгах Лютфи находим огузско-туркменские глагольные лично-числовые формы (*qorqar-am* в №№ 2, 8 '[я] боюсь', *bolmiš-am* в № 5 '[я] стал', *köŋmiš-äm* в № 8 '[я] увидел') и послелого (*ilä* в №№ 5, 8 'с, вместе с').

Следует отметить, однако, что в одиннадцати туюгах Эмири, опубликованных А. Н. Самойловичем по той же самой рукописи Стамбульского университета, откуда взяты и вышеназванные восемь туюгов Лютфи¹⁶, огузско-туркменские падежные формы, напротив, едиичны при явном преобладании собственно чагатайских форм. Практически здесь присутствует только вокалический показатель дательного-направительного падежа *-a* после аффикса принадлежности 1-го лица единств. числа (*hal-im-a* № 10 'моему положению', но ср. *žap-im-ya* № 8 'моей душе'); что же касается слов с посессивным показателем 3-го лица, то к ним аффиксы локативных падежей присоединяются без интерфикса *-n-* [см. дательного-направительный падеж — № 8, местный падеж — №№ 3, 5, 6, 7, 9, исходный падеж — №№ 2 и 3 (по 3 раза), 1, 9, 11]. Вместе с тем в умеренном количестве встречаются здесь огузско-туркменские служебный глагол [*ajla-* — № 6, № 8 (два раза)] и послелог (*ilä* — № 1 при заметном перевесе *bilä* — №№ 3, 11). Напротив, в отрывке из «Теашшук-наме» тимурида Сиди-Ахмеда¹⁷, где также не прослеживается преобладание огузско-туркменских падежных форм, отмечен показатель *-ya* после посессивного аффикса 1-го лица единств. числа (*žap-im-ya* 'моей душе', ср. *biz-ga* 'нам') и *-a* после аффикса 3-го лица при наличии интерфикса *-n-* в последнем случае (*qaršu-si-n-a* 'навстречу ему', *käm-i-n-ä* 'его недостатку', но *iš-i-ga* 'его делу'); ср. также интерфикс *-n-* в тех же условиях перед аффиксом местного падежа.

Так, благодаря слиянию двух различных языковых типов в поэтическом варианте литературно-письменного языка XV в. происходило варьирование гетерогенных форм одного и того же падежа, иначе говоря —

¹⁴ Э. Н. Наджин прямо говорит о том, что для ряда авторов уже «XIV века преобладающей... была огузо-туркменская литературная традиция» (Э. Н. Наджин. Указ. раб., стр. 88).

¹⁵ Такое равновесие в использовании гетерогенных посессивных форм исходного падежа на фоне преобладания огузско-туркменских посессивных форм других падежей весьма знаменательно в плане особенно четко наметившейся позднее (в идиолектах Навои и Бабура, причем даже и в поэтических) тенденции к вытеснению в первую очередь этих огузско-туркменских форм исходного падежа собственно чагатайскими (см. об этом ниже).

¹⁶ А. Н. Самойлович. Из туюгов чагатайца Эмири. — «Доклады Академии наук СССР». [Серия] В, 1926, май—июнь, стр. 75—76.

¹⁷ А. Н. Самойлович. Отрывки из «Теашшук-наме» с игрою рифмующих слов. — «Доклады Академии наук СССР». [Серия] В, 1927, № 2, стр. 36—37.

межсистемное варьирование падежных форм. В поэтических идиолектах, например, Атаи и Лютфи, еще можно проследить некоторую системность отношений между огузскими падежными формами, представляющими огузскую посессивно-именную парадигму: все три локативных падежа в словоформах с аффиксом принадлежности 3-го лица имеют интерфикс *-n-* и аффикс дательного-направительного падежа в этих условиях не *-ya*, но *-a*¹⁸. Конечно, между подобными огузскими формами и соответствующими собственно чагатайскими формами никаких системных отношений не было и быть не могло.

II. 2. У Алишера Навои уже трудно найти поэтическое произведение даже и самого малого жанра, где использовались бы только огузско-туркменские падежные формы посессивно-именной парадигмы и не присутствовали бы соответствующие собственно чагатайские формы. В одном бейте встречаются, например, *ya-m-ım-a* 'моей печали', но *alam-ım-ya* 'моему горю' или *zap-ım-a* 'моей душе', но *qaş-i-ya* 'к ней'¹⁹. Огузско-туркменские падежные формы в поэтическом идиолекте Навои захватывают и часть посессивно-именной парадигмы, относящейся к принадлежности 3-го лица, и часть, затрагивающую принадлежность 1-го лица единств. числа (дательного-направительного падеж: вокалический *-a*, но не *-ya*). Ограничений в лексемном репертуаре для большинства огузско-туркменских падежных форм посессивно-именной парадигмы у Навои еще нет. Каждая из таких форм — дательного-направительного падеж на *-a* после аффиксов принадлежности 1-го или 3-го лица, формы дательного-направительного и местного падежей с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица — имеет почти равновеликую и во всяком случае достаточно высокую частотность. В этом отношении исключение представляет только форма исходного падежа с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица — именно она в поэтическом идиолекте Навои употребляется весьма ограниченно, с низкой частотностью²⁰: таким образом, можно говорить о появлении в поэтическом идиолекте Навои ограничений парадигматического характера для огузско-туркменских падежных форм.

II. 3. В поэзии Бабура наблюдается уже несколько иное положение. Частное ограничение, наметившееся для огузско-туркменских падежных форм в поэзии Навои, у Бабура получило дальнейшее развитие. Во всяком случае исходный падеж с интерфиксом *-n-* после аффикса принадлежности 3-го лица в «Собрании стихотворений императора Бабура»²¹ отмечен всего один раз и не встретился нам вовсе в рукописи «Мубайин»²².

Единичными здесь стали также словоформы дательного-направительного падежа с интерфиксом *-n-* при аффиксе принадлежности 3-го лица.

¹⁸ Примерно такие же соотношения огузско-туркменских и собственно чагатайских вариантов падежных форм можно наблюдать в примерах из произведений Атаи, Лютфи и Саккаки, извлеченных В. Д. Артамошиной из рукописных материалов (см.: В. Д. Артамошина. Указ. раб., стр. 20—27).

¹⁹ *Алишер Навоий*. Мезонул авзон. Критик текст тайёрловчи И. Султонов. Тошкент, 1949, стр. XXXIX₁₀₋₁₁ и LXVII₉₋₁₁.

²⁰ Подробнее о падежном склонении в языке Навои см.: Г. Ф. Благова. О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV—начала XVI в. (К постановке вопроса). — В сб.: «*Turkologica*» (в печати).

²¹ А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура. Пг., 1917.

²² Хранится в рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР под шифром «А 104».

Для вокалического показателя этого падежа *-a* при аффиксе принадлежности 1-го лица единств. числа характерны ограничения в круге лексем, к которым он присоединяется. Чаще всего это названия частей и органов человеческого тела: *kõñül, žan, žism, baš, köz, ayiz, qaš, elik*; и хотя в поэзии *kõñül* 'сердце' и *žan* 'душа' — слова с особо высокой частотностью употребления, все же дательно-направительный падеж на *-a* после аффикса принадлежности 1-го лица единств. числа обладает не большой частотностью, не идущей ни в какое сравнение с соответствующим показателем *-ya* в тех же условиях. Таким образом, в поэтическом идиолекте Бабура явно наметилось уменьшение диапазона варьирования, прежде всего за счет лексемных и парадигматических ограничений при использовании однопадежных вариантов. Из всех других огузско-туркменских падежных форм практически только местный падеж с интерфиксом *-n-* при аффиксе принадлежности 3-го лица употребляется в поэтическом идиолекте Бабура без особых ограничений, но и его частотность несопоставима с автоматически регулярным использованием здесь местного падежа без *-n-* в тех же условиях²³.

II. 4. Это постепенное и неравномерное снижение частотности огузско-туркменских падежных форм (хотя в отдельных случаях и может проявляться в разных поэтических произведениях одного автора, например, Атаи) имеет в целом в поэтическом варианте языка XV—XVI вв. четко выраженное направление от Атаи к Навои и от Навои к Бабуру. В этом же плане еще более показательны происходившие в тот период изменения в диапазоне варьирования гетерогенных падежных форм в сторону явного уменьшения за счет возникавших лексемных и парадигматических ограничений. Все это может свидетельствовать о процессах вытеснения огузско-туркменского языкового типа другим типом — собственно чагатайским.

III. Обратимся теперь к рассмотрению прозаического варианта литературно-письменного языка. Здесь смена языковых типов особенно явственна. Первым заметил ее С. Е. Малов. Он подчеркивал: «Заслуги Алишера Навои не ограничиваются тем, что им окончательно узаконено употребление в литературе среднеазиатского тюркского языка вместо персидского ...резонанс от Навои был еще больше: благодаря его трудам значительно ускорился процесс перевеса языка „й“ над „д“-языком и весьма упрочился в литературе во всем Восточном Туркестане, как и в других Туркестанах, тюркский „й“-язык. Навои является не только основоположником узбекского литературного языка („й“-языка), нет, он, вместе с этим, был и в числе причин или факторов, преобразовавших тюркский „д“-язык в Центральной Азии»²⁴. Однако С. Е. Малов не имел в виду языковой аспект прозаических сочинений Навои, он придавал особое значение именно его поэзии: «Навои способствовал скорейшему распространению тюркского языка и литературы с запада своими гениальными поэмами-романами», ибо «он был чрезвычайно любимым, читаемым автором...»²⁵.

²³ Подробнее см.: Г. Ф. Благова. О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV — начала XVI в. (Падежное склонение в языке произведений Бабура). — «Тюркологический сборник» (в печати).

²⁴ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 480.

²⁵ Там же.

Мысль о смене языковых типов именно в эпоху Навои фактически была поддержана и развита А. К. Боровковым на основе анализа одного из фрагментов морфологии языка поэта — падежного посессивно-именного склонения (заметим, что и этот ученый не принимал здесь во внимание существенных различий между языком поэтических и прозаических сочинений Навои в названном аспекте и не уточнял, о языке каких произведений идет речь — прозаических или поэтических, между тем как анализируемый им признак как раз наиболее отчетливо представлен в прозе Навои). Говоря о классификационном признаке — наличии «вставочного» *n* при локативных падежах после основ с посессивным аффиксом 3-го лица, А. К. Боровков прямо указывал: «Это морфологическая особенность памятников до эпохи Навои, когда закрепилось склонение локативных падежей без „вставочного“ *n*»²⁶. Это действительно так: суть языковой реформы, произведенной Алишером Навои, состояла именно в том, что благодаря его усилиям прозаический вариант литературно-письменного языка был переведен на новый языковой тип, собственно чагатайский. По своему строю и макроструктуре этот тип в целом соответствовал обобщенному варианту устной речи²⁷ торгового города Андижана, где, по-видимому, имелись контакты между носителями говоров тюрков Мавераннахра. Именно в этом, как нам кажется, разгадка знаменитого свидетельства Бабура, по-разному трактовавшегося многими учеными. Между тем Бабур не только дал «характеристику андижанского наречия и языка Навои»²⁸, но и изложил в нижеследующих словах и свое лингвистическое кредо:

اند جان ایلی نینک لفظی قلم بیرله راست تورانی اوچون کیم میر علیشیر
 نوایی نینک مصنفاتی باوجود کیم هر یبدأ نشوونما تابیب تور بوتیل بیله دور.²⁹
 ‘речь населения Андижана [перед этим говорилось, что в Андижане — в городе и на базаре — говорят по-тюркски. — Г. Б.] согласуется с письмом (письменным языком), поэтому-то произведения Алишера Навои, хотя он и вырос в Герате, писаны на этом языке’.

Действительно, литературной практикой Навои и Бабура, прежде всего в области прозы, ознаменован и закреплен переход литературно-письменного языка на этот новый языковой тип. В сфере падежного склонения этот тип выражался в неразличении именной и посессивно-именной парадигм: для обеих парадигм характерны падежные показатели только с консонантным началом; интерфикс *-n-* в посессивно-именной парадигме отсутствует.

Замена одного языкового типа другим, что обычно происходит на протяжении столетий, могла быть осуществлена здесь в кратчайший исторический период благодаря действию нескольких факторов.

Во-первых, этому способствовала предшествующая богатая история развития письменно-литературных традиций. Сложные связи «литературного языка Алишера Навои» с этими традициями подробно рассмотрел А. К. Боровков³⁰. С. Е. Малов уподобил Алишера Навои Ломоносову

²⁶ А. К. Боровков. Очерки истории узбекского языка, II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV—XV вв. — «Советское востоковедение», т. VI. М.—Л., 1949, стр. 29.

²⁷ Об устных койне и обобщенных вариантах устной речи см.: А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, стр. 9 и сл.

²⁸ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: «Алишер Навои». М.—Л., 1946, стр. 98.

²⁹ «The Bābar-nāma», ed. by A. Beveridge. Leyden—London, 1905, л. 26.

³⁰ А. К. Боровков. Алишер Навои., стр. 99 и сл. См. также: Э. Н. Наджип. Указ. раб.

и писал, что ему пришлось «торить дорогу в литературе среднеазиатскому тюркскому, или чагатайскому, языку...», специально при этом подчеркивая: «Сказать без всяких оговорок, что до Навои в Средней Азии тюркский язык не употреблялся, — было бы совсем не правильным: это бы не соответствовало реальным историческим данным»³¹. Роль старых письменно-литературных традиций была двойкой. С одной стороны, совершенное Навои прогрессивное обновление литературно-письменного языка без опоры на эти традиции было бы невысказано. С другой стороны, само по себе наличие развитой письменно-литературной традиции налагало на Навои и его последователей особую ответственность за уровень осуществляемой языковой реформы, поскольку предстояло удовлетворить запросы образованного общества, способного уже оценить не только выработанную на основе другого языкового типа письменно-литературную традицию, но и изощренную иноязычную (фарсыязычную) традицию.

Во-вторых, в рассматриваемую эпоху, по-видимому, активно складывался разговорный койне тюрков Мавераннахр: подобное койне в государствах тимуридов обрело известный социальный престиж благодаря расширению его функций как средства общения. Показательно и то, что язык делопроизводства тимуридских канцелярий, как об этом свидетельствует документ султана Омар-Шейха, по своей макроструктуре был собственно чагатайского типа. Между тем это койне в период, предшествовавший литературно-лингвистической деятельности Навои, по своей макроструктуре заметно отличалось от литературно-письменного языка. Возможно, именно эту отдаленность литературно-письменного языка XV в. даже от обобщенного типа устной речи, обусловленную строгим следованием письменным традициям прежних времен, имел в виду Навои, когда писал о своих предшественниках, поэтах Саккаки и Лютфи, как о «красноречивых людях в уйгурских выражениях и сладкоречивых в тюркских речениях»³² (разрядка наша. — Г. Б.); в этой связи небезынтересен тот факт, что в числе нескольких рукописей, писанных двумя алфавитами — уйгурским и арабским — и происходящих из Герата, упоминается сочинение Лютфи³³.

В-третьих, это резко возросшие благодаря творческой деятельности Навои и Бабур темпы развития светской литературы и прежде всего — ее прозаических жанров³⁴. Как известно, в средневековой тюркоязычной литературе прозаические сочинения религиозно-дидактического и богословского характера имелись в довольно большом количестве; им был присущ некий «общий стиль», благодаря чему создалась «своеобразная традиция, которая продолжалась в Средней Азии вплоть до XIX в. В силу консервативности, заложенной в самой сущности произведений такого рода, они почти не отражали развития живого народного языка»³⁵. Светская литература поэтических жанров приобрела значительный размах уже в XIII—XIV вв. Но только Алишер Навои первым перешел на язык прозы в светской литературе. Навои и Бабур создали на языке тюрки совершенно новые прозаические жанры: ученые трактаты — стиховедческие, литературоведческие, лингвистические;

³¹ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 475 и 477.

³² Цит. по статье: А. К. Боровков. Алишер Навои., стр. 100.

³³ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 479; В. В. Бартольд. Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее. — «Доклады Российской Академии наук». [Серия] В, 1924, март—апрель, стр. 57—58.

³⁴ Ср.: В. В. Виноградов. Проблема литературных языков и закономерности их образования и развития. М., 1967, стр. 46.

³⁵ В. Д. Артамошина. Указ. раб., стр. 10—11.

дидактические произведения; исторические сочинения и жанр, не поддающийся точной литературоведческой квалификации, условно названный нами мемуарно-историографическим, к которому относится широкое и вполне реалистическое художественное полотно средневековой жизни, каким является «Бабур-наме».

Как показало исследование, именно в этих новых, по самой своей сути еще лишенных консервативности, прозаических жанрах все языковые процессы протекали наиболее интенсивно и в них четко проявлялись как признаки обновленного литературно-письменного языка, так и основные прогрессивные тенденции его развития. Между тем в поэтическом варианте литературно-письменного языка, на котором создавались произведения в традиционных, веками складывавшихся и вполне канонизированных поэтических жанрах, где, по выражению В. В. Виноградова, «индивидуальные оттенки стиля того или иного писателя обычно ступеньвались в устойчивой схеме жанровой композиции»³⁶, процесс вытеснения одного языкового типа другим не мог не проходить гораздо более замедленно и весьма неравномерно. Таким образом, состояние литературно-письменного языка в изучаемый период, степень его развития находились в прямой и непосредственной зависимости от происшедшего тогда обогащения светской литературы новыми, прозаическими жанрами.

Итак, быстрое замещение одного языкового типа другим в прозаическом варианте литературно-письменного языка и постепенное вытеснение огузско-туркменского типа из поэтического варианта было вызвано действием трех названных факторов. Полученные выводы хорошо согласуются с нижеследующим положением общего языкознания: «Литературный язык, представляющий собою сложную и не вполне однородную систему, которая состоит из разнообразных территориальных подсистем и функциональных разновидностей, естественно, и развивается как такая сложная система, разными темпами меняющаяся в своих различных частях»³⁷ (разрядка наша. — Г. Б.).

IV. Языковую реформу, осуществленную Навои, довел до логического завершения и закрепил Бабур своим монументальным прозаическим сочинением «Бабур-наме». Надо сказать, что в этом сочинении Бабура принцип соответствия собственно чагатайскому языковому типу соблюдается гораздо более последовательно, нежели в прозе Навои. Дело в том, что Навои еще не мог не считаться с устоявшимися литературно-лингвистическими вкусами образованного общества своего времени. Над поэтом еще довлела престижность огузско-туркменского языкового типа: отсюда — отдельные огузско-туркменские формы, хотя и имеющие парадигматически изолированный характер и обладающие весьма низкой частотностью, все же встречаются в его прозаических сочинениях. Для Бабура же вопрос о языковой престижности решался несколько иначе. В литературно-письменном языке, особенно в его прозаическом варианте, император Бабур, следуя Навои, но без компромиссных уступок традиционному типу языка, неуклонно придерживался того языкового типа, носителем которого он сам был и макроструктуре которого оставался верен в своих литературных опытах³⁸.

Итак, опираясь на анализ литературно-лингвистического новаторства Бабура, целесообразно уточнить утвердившийся с времен Н. И. Иль-

³⁶ В. В. Виноградов. Проблема литературных языков., стр. 84.

³⁷ Н. Н. Семенов. Указ. раб., стр. 46.

³⁸ Быть может, не случайно, и другой писатель, полководец и император — Кай-Юлий Цезарь, с военными записками которого нередко сравнивают «Бабур-наме», был, так же как и Бабур, пуристом в отношении языка (А. Мейе. Указ. раб., стр. 16).

минского взгляд на Навои как на «почти единственного или, по крайней мере, могущественнейшего бойца за родной язык»³⁹. Великое значение Навои отнюдь не умаляется тем, что он имел могучего в своей социальной независимости и самостоятельности лингвистических воззрений последователя в лице Бабура⁴⁰. Без такого верного их общим лингвистическим идеалам последователя, без литературно-лингвистической преемственности, обеспечивавшей известную стабильность макроструктуры собственно чагатайского типа в литературно-письменном языке⁴¹, языковая реформа, произведенная Алишером Навои, не была бы закреплена и не имела бы столь решающего социально-лингвистического значения. Напомним, что В. В. Виноградов, считавший важной проблему «роли личности в формировании национально-литературных языков», специально подчеркивал: «Вопрос об индивидуальном творческом вкладе в формирование и развитие национальных литературных языков нуждается в дальнейших углубленных исследованиях»⁴².

V. Только продолжая исследования в намеченных направлениях, предполагающих комплексный подход к истории литературно-письменного языка, с учетом совокупности его функциональных и структурных характеристик⁴³, и систематически расширяя охват материала памятников средневековой письменности, возможно уточнить существующие представления о важных процессах, сопровождавших развитие средневеково-тюркских литературно-письменных языков, об основных тенденциях этого развития. В частности, в свете вышеизложенного дальнейшей конкретизации и раскрытия требует тезис Э. Н. Наджиба о том, что «языки почти всех тюркоязычных письменных памятников средневековья являются смешанными»⁴⁴: этот тезис несомненно именно для обширной области поэтических жанров, но, как это показал сопоставительный анализ прозаических и поэтических идиолектов Навои и Бабура, нуждается в тщательной проверке в отношении жанров прозаических. В принципиально справедливое положение Э. Н. Наджиба о том, что «... в XV в. при тимуридах в Средней Азии на основе этих двух литературных традиций (имеются в виду „традиция с уйгурской или, вернее, с уйгуро-карлукской основой” и „огузо-туркменская литературная традиция”. — Г. Б.) возникает и развивается, а при Навои достигает своего дальнейшего развития и расцвета качественно совершенно новый литературный язык (разрядка наша. — Г. Б.), который получил в свое время известность как

³⁹ Н. И. Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. Казань, 1862, стр. 36.

⁴⁰ Роль Бабура в развитии литературно-письменного языка отмечается и С. А. Азимджановой, которая, правда, почему-то существенно ограничивает сферу лингвистического вклада Бабура лишь его «лучшими стихотворениями»: «В лучших своих стихотворениях Бакур проявил себя выдающимся мастером родного ему узбекского языка, для развития которого он немало сделал, следуя в этом отношении за своим старшим современником Алишером Навои» (С. А. Азимджанова. Предисловие к книге «Бакурнаме. Записки Бабура». Ташкент, 1958, стр. 7).

⁴¹ Во всяком случае, если исходить из определения нормы «как некоей совокупности тенденций, реализуемых то более, то менее отчетливо в разных литературных языках на отдельных этапах их существования» (Н. И. Семенов. Указ. раб., стр. 44), то собственно чагатайский тип склонения в прозаических идиолектах Навои и Бабура следует признать нормой.

⁴² В. В. Виноградов. Проблема литературных языков., стр. 83, 91.

⁴³ О таком подходе см.: Н. Н. Семенов. К характеристике лингвистических различий разных жанров письменности. — «Вопросы языкознания», 1966, № 6, стр. 60—61.

⁴⁴ Э. Н. Наджип. Указ. раб., стр. 87.

чагатайский, а в наши дни как староузбекский...»⁴⁵, уже и теперь можно внести довольно существенное уточнение. Опираясь на две названные литературные традиции, достигают расцвета именно поэтические идиолекты Навои и Бабура, между тем как в их прозаических идиолектах, четко отграниченных от поэтических лингвистическими признаками всех уровней (фонетики, морфологии, лексики), в результате произошедшей в литературно-письменном языке смены языковых типов, безусловно, стал преобладать новый, собственно чагатайский языковой тип.

⁴⁵ Э. Н. Наджип. Указ. раб., стр. 89.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1987

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. Б. ДЖУРАЕВ

АРЕАЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

В узбекском языкознании ареалогические исследования только начали появляться, тогда как по многим другим языкам подобные исследования получили весьма широкое развитие. Особого внимания заслуживают работы М. А. Бородиной, которая считает, что диалектология, лингвогеография и ареалогия должны рассматриваться как этапы развития ареальной лингвистики¹. При этом лингвогеография понимается как своего рода промежуточное звено между диалектологией и ареалогией². Однако ряд ученых придерживается иной точки зрения, полагая, что «ареальная лингвистика, ареалогия, пространственная лингвистика не должны считаться новыми отраслями, разделами, направлениями языкознания, потому что их объект и методы исследования, области их применения по сути не отличаются от лингвогеографических, будучи значительно уже»³.

Нам представляется, что объект ареалогии отличается от объекта лингвогеографии — по сути дела фактографической науки⁴ — своей онтологической спецификой. Ареалогия имеет дело с ареалом, понимаемым как фрагмент структуры лингвистического пространства⁵, который отождествляется с познавательными конструкциями в виде картографических моделей.

Можно сформулировать следующие основные характеристики объекта ареалогии: а) объект ареалогии привязан к определенному фрагменту лингвистического пространства и обособляется через этот фрагмент, а также через связи этого фрагмента с соседними; б) в каждом фрагменте лингвистического пространства слагаемые «компоненты» объекта ареалогии, точнее ареалообразующие факторы, находятся в разнообразных, системно упорядоченных отношениях.

Ареалогические изыскания М. А. Бородиной и других ученых интегрируют используемые приемы изучения объекта и подводят специалистов к формулированию основного метода ареалогии. Сущность этого метода отражало само название — «структурно-ареальный метод», так как в ареалогических исследованиях проводится структурирование (в виде картографического моделирования) в лингвистическом пространстве. В лингвогеографии же главное — картографическая фиксация и основной метод — картографирование.

Исходная направленность ареалогии заключается в исследовании пространственного уровня организации языка — структуры лингвистического пространства и его фрагментов. Наряду с обязательным учетом материалов диалектологии и лингвогеографии ареалогия ставит

целью также использование данных ареалогизирования. Именно этот модельный подход к объекту ареального исследования, опирающийся на системную парадигму, позволяет в последующем рассматривать факт языка в трех аспектах: системно-структурном, системно-функциональном и системно-эволюционном. Сочетание лингвистических и экстралингвистических данных должно способствовать решению проблем, стоящих на стыке языкознания с такими дисциплинами, как география, история, этнография, археология, фольклористика, психология и т. д.

Первоочередная задача ареалогии была сформулирована М. А. Бородиной как «установление ареалов, определение их типов и их классификация»⁶. Решение этой задачи позволит интерпретировать взаимодействие внутренних, внешних и внеязыковых факторов, обуславливавших пространственную дистрибуцию факта языка. Другая не менее важная задача ареалогии — разработка теории лингвистического пространства.

С использованием картографической модели в ареальных изысканиях лингвистов открывается возможность выявления новых данных о языке и его носителях как исторического, так и прогностического характера.

Опыт тюркской ареальной лингвистики показал, что характер ареальных источников предопределяет и характер развертывания ареальных исследований, а своеобразие исторических ситуаций в различных частях тюркского лингвистического пространства порождает и своеобразие применения приемов ареальной лингвистики⁷. М. А. Бородина в качестве источников ареалогии называет следующие: 1) лингвистические карты и атласы; 2) любые датированные и локализованные данные; 3) экстралингвистическая ситуация⁸. В отношении языков, для которых еще не составлены диалектологические атласы, немалое значение имеют диалектологические описания, которые остаются пока основными источниками ареалогии.

Структура и зональное строение системы узбекских диалектов. Специфика развертывания ареалогических исследований в узбекском языкознании. Пристальное внимание, уделяемое тюркологами-ареаловедами среднеазиатскому региону, с которого и началось широкое изучение тюркских языков приемами ареальной лингвистики, обусловлено тем, «что на этой территории благодатных оазисов проходили основные потоки переселения тюркских племен. Зарегистрированные здесь процессы языковой интерференции представляют большой теоретический интерес»⁹.

В среднеазиатском регионе располагается один из самых сложных в диалектном отношении тюркских языков — узбекский. Исключительное диалектное разнообразие узбекского языка объясняется сложными историко-этнолингвистическими процессами, протекавшими в течение многих веков на территории нынешнего Узбекистана и сопредельных с ним государственных образований. В настоящее время узбекская диалектология располагает значительным числом работ¹⁰. Причем диалекты многих областей охвачены картированием.

Анализ многочисленных классификаций узбекских диалектов, изучение опыта картирования говоров и монографических их описаний позволяют выделить в пространственном распределении узбекских говоров, диалектов и различных их группировок два уровня организации системы диалектов узбекского языка: а) условно именуемый нами «уровень структурной организации» (или же структура системы диалектов) и б) уровень зональной организации.

Уровень структурной организации диалектной системы узбекского языка нашел свое отражение в существующих классификациях узбекских диалектов¹¹, а именно — в выделении трех наречий: кыпчакского, огузского и карлукского, генотип которых соответственно восходит к трем языковым группам тюркских языков.

Носители кыпчакского наречия расселены по всей территории Узбекской ССР, Таджикской ССР и Казахской ССР, а также на территории Афганистана. Проживают они и в других союзных республиках и сопредельных зарубежных странах¹².

Носители огузского наречия в основном живут в Хорезме, в отдельных районах Бухарской и Самаркандской областей; вкрапления огузских говоров отмечаются и на юге Узбекистана¹³.

И кыпчакское и огузское наречия характеризуются наличием сингармонизма.

Наиболее обособленным и сложным по структуре является карлукское наречие¹⁴, в котором закон сингармонизма отсутствует. Представители этого наречия локализуются главным образом в городах и прилегающих к ним кишлаках.

Носители карлукского наречия, проживающие в ряде населенных пунктов и городов Бухарской, Самаркандской, Навоинской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Ташкентской областей, Ферганской долины, Таджикской ССР и Северного Афганистана, владеют также таджикским языком.

На территориях Хорезма и Верхней Кашкадарьи зафиксированы так называемые переходные говоры, занимающие по своим показателям промежуточное положение между говорами кыпчакского и огузского (Хорезм), кыпчакского и карлукского (Верхняя Кашкадарья) наречий. Не исключено, что подобные говоры могут быть обнаружены в других частях узбекоязычного массива.

Состояние зональной организации системы диалектов узбекского языка находило отражение и в опытах классификаций узбекских диалектов (например, указывалось на пространственное обособление североузбекских говоров, а также таких групп говоров узбекского языка, как бухарская, ферганская, хорезмская, ташкентская и т. д.).

Структурная и зональная организации системы диалектов узбекского языка существенно различаются между собой благодаря следующим особенностям:

1) в структурной организации представлена общая форма существования системы узбекских диалектов; зональная организация устанавливает ее локальный характер;

2) в структурной организации системы узбекских диалектов представлено бесконечное множество ритмически повторяющихся компонентов карлукского, кыпчакского и огузского генофондов, в то время как компоненты зональной организации уникальны. Отметим любопытный факт: в ряде классификаций узбекских диалектов приводятся корреляционные матрицы наречий (преимущественно по фонетико-грамматическим данным), хотя в любой диалектной зоне, где распространены разнотипные говоры, эти матрицы представлены весьма своеобразно;

3) генезис определенных структур (будь то карлукского, кыпчакского или огузского наречий) системы диалектов узбекского языка отличается единством, между тем как компоненты зональной организации гетерогенны;

4) различия между компонентами (карлукского, кыпчакского и

огузского наречий) выражены четко, различия же между компонентами зональной организации выражены менее четко.

В силу диалектной разнородности узбекского языка, особенностей исторического развития народов Средней Азии и по причине малоизученности ряда этнолингвистических аспектов до сих пор, на наш взгляд, не вполне ясно осознавалось различие между двумя уровнями организации системы диалектов узбекского языка.

Изложенные различия, как нам представляется, позволяют более отчетливо различать эти уровни организации системы диалектов узбекского языка, используя для каждого из них указанные выше наименования. Ареалогические исследования в узбекском языкознании призваны способствовать теоретическому осмыслению зональной организации системы диалектов узбекского языка. Единство диалектной зоны узбекоязычного массива (как уровня организации системы диалектов) обусловлено единством историко-этнокультурных факторов, оказавших воздействие на формирование и развитие ее диалектов и говоров. Как правило, каждая диалектная зона более или менее точно совмещается с соответствующим историко-этнографическим (историко-культурным) континуумом (областью)¹⁵. В состав историко-этнографического континуума «могут входить группы, различные по языку, происхождению и даже принадлежащие — в некоторых случаях — к разным хозяйственно-культурным типам»¹⁶. Такой континуум обычно объединен общностью исторической судьбы, многовековыми контактами, экономическим, культурным и политическим сотрудничеством населения. Поэтому зональная организация системы диалектов узбекского языка в разных частях узбекоязычного массива связана с различными естественно-географическими, этноисторическими и культурными факторами. Так, верхнекашкардарьинская и нижнекашкардарьинская диалектные зоны узбекского языка различаются не только по своим физико-географическим условиям. Историко-культурная самобытность этих регионов подтверждается данными археологии, согласно которым верхняя и нижняя части долины Кашкардарьи обособились еще в III—V веках н. э., при этом на обособление влияли и этнические процессы¹⁷. Археолог С. Б. Лунина пишет: «Возможно, своеобразие двух зон в пору развитого средневековья определялось не только природно-климатическими особенностями и традиционным существованием издревле двух историко-культурных районов — Кеша и Несефа, но и традиционными связями с двумя „супергородами“: западных районов с Бухарой и восточных с Самаркандом. Поэтому на долину Кашкардарьи накладывался своеобразный отпечаток культуры соответствующих городов. Связям с Бухарой благоприятствовало прохождение путей по равнинной местности. Самарканд же, хотя и был расположен за горным хребтом, издревле был связан с Кешем дорогами, идущими через перевалы Джам, Тахтакарача, а также более далекой, но удобной дорогой, идущей в обход горной системы»¹⁸. Факты языка также свидетельствуют, что лексика карлукских говоров Верхней Кашкардарьи ближе к самаркандскому говору, чем к бухарскому¹⁹. Наши наблюдения показали близость кыпчакских говоров Верхней Кашкардарьи к кыпчакским говорам предметий Самарканда. Ср., например, таблицу, приведенную на странице 49.

В последние годы этнографы-тюркологи уделяют значительное внимание изучению историко-этнографических континуумов Средней Азии, их специфики. Так, Т. А. Жданко пишет: «Историко-этнографические области в условиях Средней Азии и Казахстана имели некоторые специфические особенности: вследствие своеобразия оазисного характера расселения (оазисы, долины горных рек и др.) в них, как нам пред-

ставляется, более устойчиво сохранялась роль естественного географических рубежей. Так, мы полагаем, что можно выделить в качестве историко-культурных областей Хорезмский, Бухарский, Ташкентский, Мургабо-Тедженский, Архалтекинский оазисы, Ферганскую долину, бассейн Среднего Зеравшана (область Самарканда). Вторая особенность, в некоторой степени связанная с первой, — большая древность (в некоторых случаях непрерывность) сложившихся в таких районах-оазисах элементов культурной общности»²⁰.

Таблица

Бухарский говор	Самаркандский говор	Кыпчакские говоры предместий Самарканда	Кыпчакские говоры Верхней Кашкадарьи	Русский перевод
<i>хулбой</i> <i>шук ушук</i> <i>кэлпош</i> <i>кэлпошдоз</i>	<i>пудънэ</i> <i>мэтэл</i> <i>калпѳ</i> <i>калпѳдоз</i>	<i>пѳдънэ</i> <i>матал</i> <i>қалпах</i> <i>қалпах</i> <i>тиккич</i>	<i>пѳдънэ</i> <i>матал</i> <i>қалпах</i> <i>қалпахчы </i> <i>қалпах</i> <i>тиккич</i> <i>чапқы</i>	'мята' 'сказка' 'тюбетейка' 'мастер, шьющий тюбетейки' 'перочинный нож'
<i>кистэпичѳқ</i>	<i>чѳпқы</i>	<i>чапқы</i>		
Городские говоры Верхней Кашкадарьи	Узбекский литературный язык	Русский перевод		
<i>пудина</i> <i>мэтэл</i> <i>калпѳ</i> <i>қалпѳ:доз</i>	<i>ялпиз</i> <i>эртак</i> <i>дўппи</i> <i>дўппидўз</i>	'мята' 'сказка' 'тюбетейка' 'мастер, шьющий тюбетейки' 'перочинный нож'		
<i>чѳпқи</i>	<i>қаламтарош</i>			

Безусловно, названная проблема сложна в теоретическом отношении и ждет специальных исследований по выделению, наряду с историко-этнографическими континуумами Средней Азии, и диалектных зон узбекского языка, конкретизации их границ, установлению возможных корреляций между соответствующими диалектными зонами и историко-этнографическими континуумами.

В начале подготовительной работы в этом направлении было бы целесообразно вести, на наш взгляд, наряду с описаниями диалектов и говоров, картирование и картографическое моделирование диалектных явлений по сложившимся историко-этнографическим континуумам, ибо их диалектно-языковая история характеризуется хронологической глубиной и сложностью развития, в противоположность говорам территорий, заселенных позднее.

Для реконструирования диалектно-языковых ситуаций в историко-этнографических континуумах Узбекистана, вероятно, потребуется, наряду с использованием ранее накопленных описательных материалов, комплексное (диалектологическое, социолингвистическое, историко-этнографическое и археологическое) изучение, по крайней мере, следующих крупных городов (включая и их пригородные районы): Ташкент, Бухара, Самарканд, Шахрисябз, Қарши, Термез, Хива, Ургенч, Фергана, Андижан и Қоканд.

Представляется возможным наметить определенную последовательность этапов развертывания ареалогических исследований в узбекском языкознании:

1. Анализ исходного состояния ареалогических источников. Это — начальный этап, поскольку состояние ареалогических источников предопределяет выбор территории для соответствующего изучения. Относительно широкая диалектная охарактеризованность (тексты, словарные материалы, монографические описания и отдельные опыты картирования) Хорезма, Южного Казахстана, Восточного Самарканда, Бухарской, Кашкадарьинской, Ташкентской областей и Ферганской долины позволяет перейти к решению ареалогических задач.

2. Целевая разработка проблемы. Создание системы взаимосвязанных, иерархически упорядоченных ареальных показателей: отбор необходимых пространственно дифференцируемых явлений, проектирование диалектных карт и т. д.

3. Картографическое моделирование факта языка производится с помощью изоглоссирования (изофонирования, изоморфирования). Задача моделирования должна быть подчинена познанию сущности моделируемого явления²¹.

4. Обобщение результатов картографического моделирования, интерпретация и типология ареалов²², комбинирование данных смежных дисциплин с целью изучения закономерностей лингвистического пространства.

Тесное взаимодействие ареальных поисков (диалектологии, лингвогеографии и ареалогии) позволяет развернуть ареалогические исследования для языков, диалектологические атласы которых еще не изданы.

¹ В настоящей статье автор помимо работ М. А. Бородиной опирается также на исследование Г. Ф. Благовой, Н. З. Гаджиевой, Б. А. Серебренникова, Н. И. Толстого.

² М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов. — В кн.: «Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования», Л., 1980, стр. 7—36; *её же*. О понятиях «диалектология», «лингвистическая география», «ареалогия» и «ареальные исследования». — «Типы языковых общностей и методы их изучения». Тезисы III Всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкознания. М., 1984, стр. 20—22.

³ Р. Я. Удлер. О содержании терминов «лингвистическая география», «ареальная лингвистика», «ареалогия» и др.—Там же, стр. 151.

⁴ См.: О. Н. Моряховская. К разграничению понятий, связанных с терминами «диалектология», «лингвогеография» и «ареальная лингвистика». — Там же, стр. 105.

⁵ О специфике лингвистического пространства см.: М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов, стр. 7—9.

⁶ М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов, стр. 22.

⁷ См.: Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975, стр. 3; *её же*. Проблемы ареальной лингвистики (на материале языков народов СССР). — «Вопросы языкознания», 1984, № 2, стр. 54; Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении, М., 1982, стр. 59.

⁸ М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов, стр. 24.

⁹ Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики, стр. 4.

¹⁰ Историкография узбекской диалектологии получила отражение в следующих работах: В. В. Решетов. Узбекский язык. Ч. I. Ташкент, 1959, стр. 51—75; Б. Жўраев. Узбек адабий тили ва ўзбек диалектлари. Тошкент, 1963; А. Г. Гулямов. Из истории узбекского языкознания. — «Общественные науки в Узбекистане», 1967, № 11, стр. 62—67; Ш. Шобдурахмонов, А. Ишаев. Узбек шевалярининг ўрганилиши ва навбатдаги вазифалар.—«Узбек тили ва адабиёти», 1969, № 5, стр. 35—39; Ш. Шобдурахмонов. Институтда узбек тилшунослиги. — «Узбек тили ва адабиёти», 1984, № 2, стр. 12—60.

¹¹ Обзор классификаций узбекских диалектов см.: Х. Дониёров, М. Валиев. Узбек диалектологиясини ўрганишга рус олимларининг қўшган ҳиссаси. — «Труды СамГУ им. Навои», № 102. Самарканд, 1960, стр. 144—161; В. В. Решетов, Ш. Шобдурахмонов. Узбек диалектологияси. Тошкент, 1978, стр. 29—48.

¹² О кыпчакском наречии и кыпчакских диалектах узбекского языка см.: В. В. Решетов. Изучение узбекских народных говоров.—«Узбек диалектологиясидан материал-

лар», т. I, Ташкент, стр. 7—9; Х. Данияров. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975; Х. Дониёров. Қипчоқ диалектларининг лексикаси. Ташкент, 1979.

¹³ Об огузском наречии и огузских говорах узбекского языка см.: Ф. А. Абдуллаев. Узбек тилининг ўғуз лаҳжаси. Ташкент, 1978.

¹⁴ В. В. Решетов. Карлуко-чигиле-уйгурская языковая общность узбекского языка. — «Ученые записки Ташкентского госпединститута иностранных языков», вып. VII, Ташкент, 1963, стр. 27—43; Ш. Шаабдурахманов. Карлукское наречие узбекского языка. Ташкент, 1983.

¹⁵ О понятии «историко-этнографическая область» см.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса). — «Советская этнография», 1955, № 4.

¹⁶ Там же, стр. 12.

¹⁷ С. К. Кабанов. Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981, стр. 115.

¹⁸ С. Б. Лунина. Города Южного Согда в VIII—XII вв., Ташкент, 1984, стр. 12.

¹⁹ Б. Жўраев. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари лексикаси. — В кн.: «Узбек шевалари лексикаси», Ташкент, 1966, стр. 179.

²⁰ Т. А. Жданко. К вопросу о внутрорегиональных этнокультурных связях народов Средней Азии и Казахстана в позднефеодальный период. — «Проблемы современной тюркологии». Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1980, стр. 308.

²¹ Ср. замечание Э. Неефа: «Карта, бесспорно, служит лишь вспомогательным, но вместе с тем и превосходным инструментом хронологического сравнения, поскольку отображает геометрические структуры, ареалы распространения, совпадения и несовпадения различных явлений. При этом, хотя опасность чрезмерного усиления формального подхода и возникает, ее можно избежать, привлекая для сравнения элементы генетических и функциональных взаимосвязей» (Э. Нееф. Теоретические основы ландшафтоведения. М., 1974, стр. 171).

²² Об основных типах лингвистических ареалов см.: М. А. Бородина. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов, стр. 25—36; *её же*. Ареалогия и типология ареалов. — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Тезисы пятой конференции на тему «Проблемы атласной картографии». Уфа, 1985, стр. 26—27.